

УДК 930.2

ОТЧУЖДЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО НА НЕОКОНЧАТЕЛЬНУЮ БУМАЖКУ¹

С. Р. Матвеев

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
sergey-matveev1988@bk.ru

Представлена рецензия на коллективную монографию «Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство» под редакцией И. М. Каспэ. Книга стала результатом междисциплинарного исследования проблемы документа в социальных и гуманитарных науках. Среди авторов историки, философы, социологи, филологи, культурологи. Деконструкция авторского коллектива формирует дискуссионное пространство и обнажает многие проблемы междисциплинарной коммуникации.

Ключевые слова: документность, документ, фальсификация, коллективная монография.

Заглавие коллективной монографии под редакцией Ирины Михайловны Каспэ «Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство» [Статус документа..., 2013] может дезориентировать читателя, позволив принять ее за очередную работу по источниковедению. К такому умозаключению подталкивает традиционно узкое представление о документе, как о предмете этой специальной отрасли исторической науки. Однако знакомство с содержанием и сведениями о коллективе авторов, среди которых, помимо историков, философы, социологи, филологи, политологи, культурологи, способствует формированию представления о документе как предельно общей онтологической категории, опосредующей все сферы человеческой деятельности. Для проникновения в замысел авторов и редактора нельзя ограничиться внешним знакомством с книгой, необходимо прочесть ее, к тому же чтение это будет занимательным и полезным.

Основательное и конкретное введение проливает свет на замысел всей работы, участники которой, руководствуясь интересом к «социальному статусу документа, культурным представлениям о нем» и «коммуникативным эффектам», ввели понятие «документность» для обозначения роли документа в различных дискурсивных и социальных практиках. Известный термин «документальность» связывается с определенной исследовательской инерцией и, очевидно, не устраивает авторов именно по этой причине. Предложенный подход имеет целью и инициирует размышление о месте документа в современной культуре, о социальных конвенциях, стоящих за понятием «документ», и смыслах, вкладываемых в это понятие. Он апробирован на основе эмпирического материала, который демонстрирует неустойчивость статуса документа, от исключительно важного до сомнительного. Настоящая модель позволяет дифференцировать документ и не документ и в случае необходимости пересмотреть основные параметры этой дифференциации. Такая матрица открывает возможность трансформации документа как культурного продукта. Ключевым же в книге стал вопрос о том, что именно обозначается в культуре словом «документ», если допустимо говорить о нем в принципе.

Термин «документальность» был принят не всеми авторами монографии, по словам редактора, учеными, по методологическим предпочтениям, выбору подходов, стилю очень несхожими [Каспэ, 2013, с. 10]. Редкое для коллективной монографии разнообразие взглядов и подходов создает интересную и напряженную атмосферу внутренней, часто междисциплинарной полемики. Неравномерно авторы оценивают сущность, значимость и символическую нагрузку различных по своему происхождению документов. В зависимости от воззрений пишущего и избранной им ситуации статус документа окончательно не определен на протяжении всей книги. Во всяком случае, редактор уверяет, что замысел предполагал демонстрацию многообразия исследовательских позиций и дискуссионности проблемы. Так, О. В. Аронсон от критики размытого статуса документа в исторической науке, где им становятся все источники информации, приходит к старым позитивистским сомнениям относительно научной состоятельности истории в целом [Аронсон, 2013, с. 220–221]. К счастью, это не мешает другим авторам сборника плодотворно использовать архивные материалы,

не углубляясь во вредную рефлексии о своей неполноценности.

Сборник состоит из четырех разделов. В первом обсуждается проблема восполнения дефицита доверия и фальсификации документа в российских бюрократических практиках и повседневной жизни, где он не обладает независимостью, а является частью системы власти. Документ как продукт канцелярского производства изначально несет в себе не достоверную информацию о действительности, а комплекс бюрократических представлений о ней, своеобразную «бумажную реальность», искаженную и редуцированную в сравнении с социальной. Это подтверждает и относительно современная практика достижения максимальной «плотности смысла» на единицу текста, о которой говорит С. И. Каспэ [Каспэ, 2013, с. 61]. Г. А. Орлова демонстрирует то, как власть оберегает конструируемую с помощью документов историческую данность. Так, посягательство на подлинность документа было неизменно наказуемым действием, а истинность же текстов самой власти – по контрасту с верификацией неподдельности и заботой о ней – фактически не подлежала проверке [Орлова, 2013, с. 21–25]. Таким образом, традиционный зазор между социальной реальностью и источником становится еще шире. Е. Ю. Васильева, анализируя современную российскую проблему фальсификации, говорит о практике сговора между властью и человеком при подделке документа. Причем изготовленный за деньги, а не подпольно документ не признается фальшивым ни властью, представители которой за взятку санкционируют подобный акт, ни подавляющим числом респондентов соответствующего опроса [Васильева, 2013, с. 103–125]. Единственным сакральным документом оказывается воспетый в советской культуре паспорт, который отождествляется с его владельцем: «Нет паспорта – нет человека». Подделка «основного документа» осуждается как акт, разрушающий основы общества, и квалифицируется в качестве «криминала» большинством участников опроса.

Исследование, проведенное с позиций социологии знания, открывает масштаб и технологию включения документа в процесс создания и согласования образов реальности, а также выявляет его воздействие на функционирование самой действительности. В частности, Г. А. Орлова показывает на примере истории крестьянской дочери, ошибочно вписанной в консисторскую книгу мальчиком и потому попавшей под рекрутский набор, как просчет в нормативном акте может воздействовать на реальную человеческую судьбу [Орлова, 2013, с. 40]. А. К. Байбурин на модели введения и функционирования идентификационных документов в СССР репрезентирует технологию согласования образов реальности, в которой меры, предложенные правительством, являются априори запрашиваемыми «трудящимися». Например, постановление правительства «О введении паспортной системы» в целях «очистки г. Москвы от контрреволюционных, кулацких, уголовных и других антисоветских элементов» подкрепляется официальными сводками об одобрении принятых мер со стороны граждан. В это же время источники личного происхождения, появление которых не могло контролироваться со стороны властей, свидетельствуют об обратном [Байбурин, 2013, с. 79–82].

Второй раздел монографии посвящен статусу документа в контексте исторической, персональной и медийной памяти. В нем авторы размышляли о динамике представлений о документе в условиях развития технических средств, переосмысляя роль медиа в формировании документальной базы. Именно в этом разделе читатель сталкивается с самыми смелыми заключениями и противоречивыми позициями, основанными на удивительно разнообразной теоретической платформе, на широком спектре идей: от понятийного аппарата семиотики до теории «документа жизни» К. Платмера, концепций М. Фуко, П. Рикёра, М. де Серто. Так при анализе современной культурной ситуации оказались востребованы размышления М. Фуко о документе и монументе [Фуко, 2012, с. 35–59]. О. В. Аронсон, опираясь на «Археологию знания», приходит к выводу о том, что традиционные письменные исторические источники, хранящиеся в архивах, неотделимы от «вымыслов, обманов и уловок» и являются результатом превращения памятника в документ. То есть, пополняя архивы, мы неизбежно увеличиваем ложное, вымышленное, забытое [Аронсон, 2013, с. 222]. К аналогичным выводам, но в более осторожной форме, приходит Б. Е. Степанов, ссылаясь на П. Рикёра [Рикёр, 2004, с. 203–254]. Он замечает, что стремление к сохранению прошлого переплетается с «неизбежным его вытеснением», а письменная память и архив представляют собой инструменты не только фиксации, но и вытеснения [Степанов, 2013, с. 182–183]. Современная же ситуация, согласно О. В. Аронсону, благодаря новым технологиям фото- и кино съемки превращает документ в памятник, несущий в себе избыток знаков ушедшей реальности, и позволяет «видеть ушедшее время» в прямом смысле слова. С его точки зрения, документ – лишь «наивный инструмент историков»,

который не столько реконструирует прошлое, сколько конструирует современные взаимоотношения историка и архива. Памятник, как образование монументальное, указывает на «ограниченность и неспособность» истории установить истину факта [Аронсон, 2012, с. 220–221]. Однако Аронсон совершенно не учитывает того, что такой «памятник» для современного историка является источником не в меньшей мере, чем архивное дело или мемуары, а историческая наука, даже в формате источниковедения, выработала достаточно тонкий инструментарий по введению подобного рода материалов в исследовательскую практику своей корпорации.

Третий раздел сборника – литературный. При знакомстве с ним у читателя усиливаются или уже точно возникают неизбежные с самого начала книги коннотации между «документностью» И. Каспэ и «литературностью» Р. Якобсона (свойство текста, благодаря которому он признается принадлежащим литературе). Это сопоставление тем интереснее, чем очевиднее противоположность документа литературе – они антагонистичны, на первый взгляд, как факт и вымысел. Однако И. М. Каспэ находит смычки между ними в современном нарративе (так называемое наивное письмо), помещенном в литературный контекст, где текст получает статус документа от интерпретативных акторов в лице критиков, издателей и т.д. В романе же документ может стать материалом для книги или оказаться востребованным при осмыслении проблем исторической памяти [Каспэ, 2013, с. 271–280]. Думается, авторы раздела упускают достаточно распространенную практику использования литературных текстов определенной эпохи специалистами по истории повседневности для более глубокого проникновения в дух времени.

Смелой является редакторская задумка включить в монографию два нестандартных в данном формате метода – опрос и эссе. Однако первый, содержащий намеренно наивные и тривиальные вопросы (например: «Что такое документ?», «В чем Вы видите специфику отношения историка к документу» и др.), вызывает недоумение как у интервьюируемых ученых, так и у читателя. Несколько проливает свет на цели эксперимента часть статьи Б. Е. Степанова, в которой он говорит о наличии лакуны в области теории документа, существование которой должны были подтвердить результаты опроса семи историков. Тем не менее автор допускает малообоснованное обобщение, утверждая, что помещенные в общий контекст высказывания сделают очевидным существование запроса на теорию документа [Степанов, 2013, с. 179–181]. Возможно, целью интервью была своего рода «перезагрузка» устоявшихся практик говорения о документе, попытка посмотреть на эти практики отстраненно и в ином, не вполне привычном — социологическом, антропологическом — ракурсе.

Количество интервью и реакции респондентов красноречиво свидетельствуют о нерепрезентативности опроса в контексте возложенных на него задач. Гораздо убедительнее выглядит искусственная рефлексия авторов сборника, каждый из которых посвятил теоретическому рассмотрению проблемы документа и «документности» несколько страниц. Такие пролегомены главным образом содержат попытку определить документ по контрасту со смежными понятиями – «бумага», «дело», «свидетельство», дифференцировать или объединить его с ними. Необходимо сказать и о представленном Б. Е. Степановым анализе глубины дисциплинарной и междисциплинарной рефлексии западной науки относительно проблематики документа как свидетельства о прошлом. На фоне мировых тенденций ощутимым становится дефицит теоретической чувствительности у представителей российской социальной и гуманитарной науки.

Отдельно стоит назвать особые причины, по которым книгу читать увлекательно. Удачно реализован формат эссе, хотя на него вроде бы не возлагалось сверхзадач. В рамках этого формата авторы делятся индивидуальным опытом работы с документом, обычно либо в предисловии (Г. Орлова), либо в тексте статьи (С. Каспэ), либо в четвертом разделе монографии. Освобожденные от академических требований и обогащенные литературным достоинством, эссе читаются с огромным интересом. Нестандартное построение текстов оживляет процесс знакомства с ними. И практически сразу становится ясно, что блок этот значит куда больше, чем красивый бантик на полезном подарке. С помощью художественных средств авторы размышляют о тотальной и всеопосредующей проблеме документа в российской социальной реальности и о частных вариациях этой проблемы. Жизненно важный для каждого человека, становящегося пациентом, медицинский документ анализирует И. М. Каспэ. О противозаконных действиях (рейдерском захвате), приобретающих флер легитимности при наличии фальсифицированных документов, сообщается в тексте М. и Е. Шульман [Шульман, 2013, с. 375–380]. История о документации рейдерского захвата имела тра-

гическое для одного из авторов развитие.

Рефлексия, предложенная в форме эссе, позволяет определить гипертрофированную роль «бумажки» в жизни каждого из нас. Документ опосредует поощрение и наказание, протоколирует и легитимирует рождение и смерть, брак и развод, получение образования и наличие работы, обретение и потерю собственности, мельчайшие повседневные сделки купли продажи и т.д. Один из авторов охарактеризовал такую ситуацию «документационной оргией» [Шульман, 2013, с. 375], символизирующей триумф государственного порядка над индивидуумом. Ситуация эта наталкивает на мысль о статусе и правах человеческой личности, не обладающей никакими документами, а значит, не способной ничего подтвердить и доказать, даже свое существование. Авторы, неоднократно подчеркивая тотальную роль документа в жизни человека, тем не менее убедительно доказывают, что документ не способен функционировать в любых контекстах и выполнять роль связи между ними. Прочтение и интерпретация его невозможны в отрыве от адресанта, несмотря на частое присутствие некой универсальной адресации или ее видимости.

В заслуги редактора монографии помимо прочего входит конструкция, а, вернее, деконструкция авторского коллектива: он был сформирован не по традиционному принципу дисциплинарного родства или близости интересов, а исходя из стремления максимально проблематизировать предметное поле (а вместе с этим и работу над изданием). Такой подход требует большой смелости и еще больших усилий по «сбору» монографии. Может быть, это имела в виду И. М. Каспэ, когда говорила о книге как результате продолжительной и непростой работы. Надо признать, что результат этой работы впечатляет. Предложенная конфигурация исследователей позволила сформировать оригинальное дисциплинарное пространство, напоминающее лабиринт. Разнообразие подходов и вариантов пути не позволяет успокоиться относительно существования теории документа, которая устроит всех и станет сводом прописных истин, той самой бумажкой (пусть даже объемом с книгу), о которой мечтал профессор Преображенский и обладание которой закрывает тему документа. Дискурсивные практики и реальность в очередной раз оказались сложнее сухой теории. Без преувеличения можно сказать, что книга получилась живой, интересной и непредсказуемой с первых до последних страниц, что количество людей, присутствие которых чувствуешь при чтении, значительно превышает число авторов, а затронутые проблемы требуют дальнейшей над ними работы.

Примечания

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Институциональные структуры и академические сообщества: факторы динамики социогуманитарного знания», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г.

Библиографический список

Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовина и О. И. Мачульской. М., 2004.
Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство?: Кол. монография / под ред. И. М. Каспэ. М., 2013.
Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб., 2012.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.12.2012

AN EXPROPRIATED CERTIFICATE ON INCONCLUSIVE PIECE OF PAPER

S.R. Matveev

Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Myasnienskaya str., 20, 101000, Moscow, Russia
sergey-matveev1988@bk.ru

The article presents a review of the monograph "Document Status: Final piece of paper or expropriated evidence", edited by M. Kaspe. The book is the result of an interdisciplinary study of the problem of the document in the social sciences and humanities. The historians, philosophers, sociologists, linguists, cultural studies researchers are among the authors. The deconstruction of authors group forms the discussion space and reveals many of the problems of interdisciplinary communication.

Key words: documentality, document, falsification, collective volume.

References

Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie / per. s fr. I. I. Blauberger, I. S. Vdovina i O. I. Machul'skoy. M., 2004.
Status dokumenta: Okonchatel'naya bumazhka ili otchuzhdennoe svidetel'stvo? / Kollektivnaya monografiya; pod red. I. M. Kaspe. M., 2013.
Fuko M. Arkheologiya znaniya / per. s fr. M. B. Rakovoy, A. Yu. Serebryannikovoy. SPb., 2012.